

ОТЗЫВ

**официального оппонента кандидата исторических наук
Конева Алексея Юрьевича на диссертацию Виктории Александровны
Слугиной «Правовое оформление российского подданства сибирских
народов в XVI – XVII вв.: Шертовальные записи и процедура
шертования», представленную к защите на соискание ученой степени
кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 –
Отечественная история в диссертационный совет Д 003.030.01,
созданный при ФГБУН Институт истории Сибирского отделения
Российской академии наук**

Диссертационное исследование В.А. Слугиной является во многом пионерным для исторического сибиреведения и новаторским как по формулировке темы и постановке проблемы, так и по привлеченному кругу источников. Шерты и процедуры шертования автохтонов региона не были до сих пор предметом специального и всестороннего монографического исследования, что не позволяло более полно и глубоко подойти к изучению механизмов включения сибирских «иноземцев» в систему Российского государства на начальных этапах русского присвоения Сибири. Во введении автору удалось убедительно аргументировать актуальность исследовательской программы диссертации.

История изучения вопроса рассмотрена в соответствии с проблемно-хронологическим принципом. Замечания о достижениях и оплошностях предшественников корректны и существенны для обоснования задач, объекта и предмета исследования. При этом автор демонстрирует понимание своей преемственности по отношению к имеющейся историографии. Виктория Александровна не ограничилась собственно историческими трудами, обратившись к работам историко-юридического, этнографического и лингвистического характера. При этом, к сожалению, была обойдена вниманием весьма важная в контексте исследуемой темы книга М.М. Федорова о правовом положении народов Восточной Сибири, издававшаяся дважды, в 1978 г. и 1991 г. В ней, пожалуй, впервые шерть рассматривается как «особого вида источник права», «форма закрепления прав и обязанностей аборигенов». Кроме того М.М. Федоров пересмотрел точку зрения о том, что «государево жалованное слово» было малозначащей типовой формулой и не более чем демагогическим приемом царской политики, отметив юридическую значимость этой статьи воеводских наказов, которой были узаконены основные права

аборигенного населения региона¹. Вместе с тем это не влияет на правомерность заключения В.А. Слугиной, что «проблема интерпретации шертования в контексте специального механизма обращения всех сибирских иноземцев в русское подданство так и остается неразрешенной», что «прослеживается ... неоднозначность трактовки самой сути шертовальных записей» (с. 20–21). При этом вызывает возражение утверждение о том, что в литературе не был поставлен вопрос о «специфичности подданства *иноземческого* населения, в отличие от православного» (с. 21). В.А. Ковригина и Т.А. Опарина рассмотрели этот сюжет на примере так называемых «внешних иноземцев»². Применительно к автохтонам Сибири А.Ю. Конев пришел к выводу, что «от подданства, скрепленного осознанием этно-конфессионального единства, следует отличать варианты подданства, возникавшие вследствие завоевания и присоединения соседних народов»³.

Автором корректно сформулированы цели и задачи исследования, с которыми в полной мере согласуются структура и содержание глав, объект и предмет. Основания, выбранные для определения географических и хронологических рамок исследования так же не вызывают возражений.

Следует отметить, что данная работа имеет вполне определённый источниковедческий акцент, реализованный на высоком профессиональном уровне. Это нашло отражение не только в грамотно отобранном корпусе источников, но и в оценке их информативности, классификации и конечно в квалифицированном, впервые осуществленном формулярном и содержательном анализе шертовальных записей, которому посвящен первый параграф второй главы. Требовалось максимально полное выявление опубликованных и неопубликованных текстов шертей, имевших отношение к Сибири. В.А. Слугиной удалось выявить и ввести в научный оборот практически все сохранившиеся в соответствующих центральных архивах шертовальные записи и книги XVII в., связанные с народами Сибири, что является её несомненной заслугой и значимым достижением.

Учитывая вышесказанное, отмечу, что сбалансированное применение выбранных теоретических подходов, обще- и специально-исторических методов позволило выдержать исследование в рамках заявленной специальности. Методологический арсенал адекватен поставленным

¹ Федоров М.М. История правового положения народов Восточной Сибири в составе России. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1991. С. 19–21, 26–27.

² Ковригина В.А. Иноземцы в России конца XVII – первой четверти XVIII вв. и политика петровского правительства // Сословия и государственная власть в России. XV – середина XIX вв. Межд. конф. Чтения памяти акад. Л.В. Черепнина. Тез. докл. Ч. I. М., 1994. С. 169–179; Опарина Т.А. Иноземцы в России XVI–XVII вв. Очерки исторической биографии и генеалогии. М.: Прогресс-Традиция, 2007. С. 5–27.

³ Конев А.Ю. Народы Западной Сибири в социальной структуре России XVII – XIX веков // Сословия, классы, страты российского общества: история и современность. Труды межд. науч.-теор. конф. СПб.: Нестор, 2002. С. 74–79.

задачам и привлеченным источникам. При этом вызывает замечание трактовка диссертанткой ситуационного подхода (с. 28), предложенного А.И. Миллером. Он все же не сводится только к «отказу от преимущественной концентрации» на одном акторе (в данном случае царская власть) в пользу другого (автохтонное население), а предполагает равноценность акторов для историка, когда фокус смещается на процесс их взаимодействия и выявление логики их поведения. К тому же автор диссертации в качестве самостоятельного актора, судя по всему, рассматривает ещё и местные власти.

Целесообразным и корректным выглядит пояснение основных терминов, используемых в работе. Это не просто некий тезаурус, помогающий составить представление о ключевых понятиях, но и один из инструментов, который применён для переопределения и классификации изучаемых и находящихся в поле зрения исследователя объектов, явлений, феноменов.

В первой главе Виктория Александровна приходит к выводу, что шертование сибирских народов конца XVI – XVII вв. не было адаптацией ранее апробированных внешнеполитических принципов и практик взаимодействия Московской Руси с ханствами постзолотоордынского периода. Она склоняется к тому, что и сам формуляр исследуемых шертей не заимствовался из каких-то образцов, а складывался постепенно при активной роли местных администраторов. На это косвенно указывают документы приказного делопроизводства, в том числе исходившие из местных воеводских канцелярий, а так же факт отсутствия (или плохой сохранности?) шертных записей конца XVI – первой трети XVII вв. Вслед за Я.Г. Солодкиным она ставит под сомнение существование так называемой «шерти Ермака», считая её поздней вставкой летописца. Учитывая аргументы диссертантки и фрагментарность сибирских архивов указанного периода, соглашусь, что на сегодняшний день предложенная ею версия может быть принята как наиболее обоснованная. И все же поле для дискуссии остаётся. Можно напомнить об астраханской шерти 1554 г. также дошедшей только в летописном изложении, но правомерно ли полагать, что её не было? Критика «шертной грамоты остяков и вогуличей сибирских» 1580/82 г. в копии XVIII в. из портфелей А.М. Малиновского не может быть исчерпывающей, если не выяснить какова была стратегия того, кто, по мнению Виктории Александровны, «сконструировал» этот текст: во-первых, зачем это было делать; во-вторых, следы поздней корректуры разве принципиально отменяют наличие более ранней аутентичной основы? Следует ли однозначно исключать влияние дипломатического опыта Москвы и соответствующего дискурса на формы взаимодействия с представителями автохтонных сообществ начального этапа русского присвоения Сибири. Оно явно прослеживается в дарообменных практиках (раздача подарков, «корма» в форме «государева

жалованья» и ответное получение «поминок») после шертования и произнесения так называемого «жалованного слова».

Очевидно, что «государево жаловальное / жалованное слово» в увязке с шертью формировало специфический сибирский процессуальный и правовой механизм включения местных иноземцев в число подданных русской короны. Это показано В.А. Слугиной на новых, более широких материалах. Она предлагает рассматривать «слово» в качестве одного из ключевых источников для составления и корректировки текстов шертовальных записей. По мнению Е.В. Вершинина эта формула прямого обращения царя к своим поданным (как русским, так и ясачным людям) появилась только в 1599 г. в наказах первым воеводам, назначенным при Борисе Годунове в сибирские города, превратившись в «переписываемый почти дословно приказной штамп»⁴. Виктория Александровна при анализе «слова», адресованного «ясашным людям» в целом следует за оценкам Е.В. Вершинина, при этом она почему-то не использовала, конечно же известные ей, тексты наказов 1599 г. из фонда Сибирского Приказа, что бы сравнить их с последующими. Опираясь на свой опыт изучения этой наказной статьи, отмечу, что содержание «жаловального слова» на протяжении XVII в. не было стабильным и устоявшимся на этот счет представления историков требуют пересмотра.

К существенным результатам исследования В.А. Слугиной следует отнести установление корреляции между формулярами крестоцеловальных и шертных записей и соответствующих практик. Это стало основанием развить ранее высказанное в литературе предположение о схожести юридического значения этих двух разновидностей присяг до более широкого и важного вывода – о формировании общегосударственного представления о подданстве в России XVII в.

Третья глава диссертации, посвященная социальным и культурным особенностям шертования, выполнена с элементами историко-антропологического подхода и наполняет исследование живой исторической тканью. Первый параграф содержит интересные данные, открывающие новые возможности для изучения потестарной и социально-административной организации народов Сибири XVII столетия. Вполне обоснованным выглядит вывод о постепенном распространении процедуры приведения к шерти с элитных групп на всё известное русским взрослое мужское население ясачных родов и волостей. Материалы второго параграфа убедительно показывают, что учёт конфессиональных особенностей «иноземцев», их трактовка воеводами и служилыми людьми во-многом определили вариативность церемониальной и содержательной стороны шертования у различных народов Сибири.

В заключении автор формулирует выводы, которые релевантны основным положениям, выносимым на защиту и содержанию глав

⁴ Вершинин Е.В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург: МУМЦ «Развивающее обучение», 1998. С. 67–68.

диссертации. В работе имеются списки использованной литературы, источников, сокращений.

Высказанные замечания ни в коей мере не снижают научной значимости диссертации, которая является оригинальным, самостоятельным научным трудом, имеющим существенное значение для разработки актуальной темы формирования полиэтнического / поликонфессионального Российского государства. Основные положения диссертации отражены в 6 публикациях, из них 4 – в журналах из Перечня рецензируемых изданий, рекомендованных ВАК Минобрнауки России.

Автореферат диссертации соответствует её основному содержанию. Диссертация соответствует требованиям «Положения о присуждении учёных степеней», утвержденного постановлением Правительства РФ № 842 от 24.09.2013 г., а В.А. Слугина заслуживает присуждения учёной степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02. – Отечественная история.

Конев Алексей Юрьевич

кандидат исторических наук,
заведующий сектором социальной антропологии структурного подразделения «Институт проблем освоения Севера» Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра Тюменского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук.

Верно: специалист отдела кадров

/ Черникова М. В.
22.01.2018

Юридический адрес:

625026, Тюменская обл., г. Тюмень,
ул. Малыгина, д. 86.

Почтовый адрес:

625003, Тюменская обл., г. Тюмень,
а/я 2774

Тел.: 8(3452) 22-93-60, 22-93-58

e-mail: ipos@ipdn.ru

22.01.2018 г.